

КУБАНСКИЙ КРАЙ

Издательство „Кубань“

Б 741—60

Серия КАЗАРОВА

Театръ и музыка.

ЛѢТНІЙ ТЕАТРЪ.

«Три сестры»—А. П. Чехова. Не самое ли трудное, не самое-ли тяжелое и опасное играть Чехова? И особенно играть въ концѣ сезона, когда уже не играютъ, а доигрываютъ, когда на постановкахъ ясно замѣтенъ налетъ спѣшности и торопливости. А развѣ можно Чехова играть съ такимъ налетомъ? Чехова, въ которомъ такъ дорога, такъ цѣнна каждая деталь, въ которомъ все такъ толко, изящно, что одно пеловкое грубое движеніе и тонокое рвется. И вотъ почему въ Чеховѣ всегда такъ важенъ режиссоръ. При постановкѣ Чехова у режиссера громадная обязанность—оберегать Чехова отъ грубаго, нетактичнаго, что въ погонѣ за индивидуальнымъ успѣхомъ можетъ допустить актеръ. Это изъ Чехова въ русскомъ театрѣ выросло понятіе объ ансамблѣ, въ ансамблѣ не какъ только поднятой на извѣстную ступень игрѣ всѣхъ актеровъ, а какъ на выявленіе изъ пьесы совместной игрой актеровъ того, что принято было называть «настроеніемъ» и что не можетъ выявить каждый актеръ въ отдѣльности. Можно-ли было до Чехова играть «скуку» «тоску»? Играть, не зная, конечно, вовсе роли и говоря: мнѣ скучно. А такъ, чтобы въ этихъ ненужныхъ, случайныхъ разговорахъ, въ этомъ ожиданіи ряженыхъ, въ пасьянсахъ, въ танцахъ-во всемъ, что говорятъ и дѣлаютъ люди, выявлялась она, жила и дѣйствовала на сценѣ.

Я не видалъ «Трехъ сестеръ» въ постановкѣ московскаго Художественнаго театра, но я видалъ ихъ въ другой лучшей въ Россіи послѣ Художественнаго театра поста-

новки Н. Н. Слоцова. Ему и его театру того времени удалось понять духъ Чеховскихъ пьесъ, понять и выявить его. Это была музыка, но музыка трагическая и рыдающая и я помню, какое громадное впечатлѣніе оставлялъ второй актъ.

Я не говорю, что театръ Сивельникова долженъ былъ сдѣлать тоже. Но онъ могъ дѣлать значительно больше того, что онъ сдѣлалъ. Я знаю—у него есть оправданіе: здѣсь въ Екатеринодарѣ ему надо спѣшить, надо готовить каждый день новую пьесу, ну и играйте тогда то, что подѣ силу при этой торопливости, при этой спѣшкѣ, при этой боязни повторить игранную пьесу, потерять со сбора нѣсколько десятковъ рублей. Чехова нельзя, выражаясь языкомъ Кулыгина, играть на три съ минусомъ.

И это ясно, что у барона Унгерна не было времени продумать постановку, а благодаря этому она вышла неровной, ворвались въ нее обидно ненужные грубые штрихи и пропали тонкія нужныя детали.

У барона Унгерна былъ замыселъ, но онъ растворился въ торопливой работѣ. Если Унгернъ нѣсколько разъ на репетиціи посмотрѣлъ бы пьесу, онъ не началъ бы ее такой грубой и неестественной сценой. У Чехова: «Ольга въ синемъ форменномъ платьѣ учительницы женской гимназіи, все время поправляетъ ученическія тетрадки, стоя и на ходу; Маша въ черномъ платьѣ, со шляпкой на кобѣняхъ сидитъ и читаетъ книжку; Ирина въ бѣломъ платьѣ сидитъ задумавшись».

Унгернъ посадилъ Ольгу, а Машу положилъ на диванъ. Ирину поставилъ лицомъ къ публикѣ въ принужденной натянутой позѣ, и въ первой же сценѣ почувствовала фальшь. Ольга говоритъ мимоходомъ, поправляя тетради,—Чеховъ намѣренно подчеркнул: стоя и на ходу,—Ирина думаетъ о своемъ, Маша занята своимъ. А на сценѣ живая картина, три напряженныхъ позы и не случайная рѣчь мимоходомъ, а монологъ. И это сразу дало невѣрный тонъ пьесѣ.

Это, конечно, проглядѣлъ Унгернъ, какъ онъ проглядѣлъ нѣкоторые трюки изъ Горкина, которые ввали въ пьесу Борисовъ. Зачѣмъ онъ въ финалѣ первого акта за заштракомъ чихаетъ. Вѣдь онъ играетъ Кулыгина, а не Янкеля Муха. Верхомъ это поправилось; но кто не знаетъ послѣ роли Янкеля Муха, что Борисовъ великоблжно управляетъ своимъ носомъ! Или у Чехова — Маша танцуетъ вальсъ одна. Это понятно — *Маша танцуетъ вальсъ одна*. А Унгерну было некогда вдуматься въ эту ремарку. Такихъ досадныхъ мелочей было много.

И рядомъ было много хорошаго, трогательнаго. Досадное нѣмало хорошему и не было цѣлаго, не было Чехова. Самъ Унгернъ трогательно игралъ Тузенбаха, трогательной и нѣжной Чеховской нестройкой была Ирина у Кузнецовой. Ольга — Нолевичкая, Маша — Будавичъ, Вершининъ — Баратовъ, Прозоровъ — Слоновъ, видите, въ какихъ рукахъ роли и понимаєте, что можно было бы сдѣлать съ этимъ спектаклемъ, если бы не конецъ сезона, не спѣшка.

Пьеса шла въ бенефисъ Яниковской, которая играла Наталью Ивановну. Бенефициантъ поднесли цвѣты; сборъ былъ средній.

Н. Н.